

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10040

Репин Алексей Викторович,

заместитель начальника кафедры криминалистики

Сибирского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ КОНТАКТА, УСТАНОВЛИВАЕМОГО СЛЕДОВАТЕЛЕМ В ХОДЕ ДОПРОСА

Аннотация: В статье на основе анализа теоретического материала и результатов опроса следователей обосновывается вывод о том, что: а) традиционно используемый термин «психологический контакт» на допросе и вкладываемая в его содержание необходимость достижения взаимного психологического понимания и сопереживания, а также иных составляющих эмпатийного взаимодействия не соответствует сегодняшним реалиям проведения допросов подозреваемых и обвиняемых, осуществляемых, как правило, в условиях противодействия; б) предлагается использовать термин «коммуникативный контакт» как состояние, при котором допрашиваемый проявляет готовность к восприятию и передаче информации по делу. Анализируются причины, препятствующие установлению контакта следователем с подозреваемым и обвиняемым в процессе допроса. Предлагается рассматривать коммуникативный контакт как минимально необходимое условие для проведения допроса, с необходимостью его постоянного поддержания и укрепления для достижения контакта психологического.

Ключевые слова: коммуникативный контакт, психологический контакт, допрос, конфликтная ситуация допроса, противодействие на допросе.

Repin Alexey Victorovich ,

deputy chief of the Department

of Criminalistics of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia.

ON THE CONCEPT AND ESSENCE OF CONTACT ESTABLISHED BY THE INVESTIGATOR DURING INTERROGATION

Abstract. Based on the analysis of theoretical material and on the results of questioning of investigators the article concluded that: a) commonly used term “psychological contact” during interrogation and the need to achieve mutual psychological understanding and empathy, as well as other components of empathic interaction does not match today's realities of interrogation of suspects and accused, carried out, as a rule, in the conditions of opposition; b) the author proposes to use the term “communicative contact” as a condition in which the interrogated person is ready to receive and give information on the case. The author analyzes the reasons preventing the investigator from establishing contact with the suspect and the

accused during the interrogation. It is proposed to consider communicative contact as the minimum necessary condition for interrogation, with the need for its constant maintenance and strengthening in order to achieve psychological contact.

Keywords: communicative contact, psychological contact, interrogation, conflict situation of interrogation, opposition during interrogation.

Установление контакта с допрашиваемым является необходимым условием для эффективного производства допроса и передачи управляющего воздействия. Однако не всегда следователям удается установить надлежащий контакт для получения полных и достоверных показаний. По мнению самих следователей, причинами этого являются:

- наличие в ходе допроса посторонних людей (в том числе коллег) в кабинете или ином месте допроса — 61,7 %;
- нежелание допрашиваемого вступать в контакт и давать показания — 50 %;
- неумение ряда следователей устанавливать такой контакт — 41,7 %;
- участие в ходе допроса защитника — 41,7 %;
- отсутствие времени на установление контакта — 33,3 %;
- нежелание следователей тратить время и силы на установление контакта — 11,7 %;
- недостаток методических рекомендаций по установлению контакта — 10 %;
- беспорядок в кабинете следователя, включенная музыка и т. п. — 5 %¹.

Полученные данные свидетельствуют, что причинами неудовлетворительного контакта или его отсутствия с допрашиваемым являются как объективные (отсутствие в большинстве подразделений персональных кабинетов следователей), так и субъективные (неумение и нежелание следователей устанавливать контакт с допрашиваемым) обстоятельства. Однако, несмотря на многочисленные исследования и публикации, вопросы установления контакта представляются проблемными не только для практических работников, но и для ученых. Р. Л. Ахмедшин справедливо отмечает, что, «к громадному сожалению, тактический потенциал современной криминалистики в области взаимодействия в рамках психологического контакта крайне мал» [1, с. 195]. Нередко в теоретических исследованиях наблюдается смешение или подмена понятий, прямой (т. е. без учета специфики следственной деятельности) перенос рекомендаций по установлению психологического контакта из общей

¹ Респонденты отмечали по 2—3 причины, поэтому результаты превышают 100 %. Всего опрошено 69 следователей органов внутренних дел.

психологии в криминалистику и т. д., что изначально делает такие рекомендации неприменимыми в реальных условиях допроса.

На сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию контакта между следователем и допрашиваемым. В целом, высказываясь единодушно относительно самого термина «контакт» и понимая под ним передачу партнеру по общению имеющейся информации, мнения авторов существенно отличаются при определении его сущности, характера и целей.

Определяя сущность контакта, авторы рассматривают его как условие, необходимое для благоприятной обстановки производства следственного действия [2, с. 272; 3, с. 540; 4, с. 30], как тактический прием [5, с. 196], как тактическую задачу [6, с. 44; 7, с. 45—46], как принцип производства следственных действий [8, с. 350—351]. Помимо перечисленного, Г. А. Зорин отмечает, что контакт может рассматриваться как тактическое средство или способ; как тактический метод; как стадия следственного действия; как тактическая операция (комбинация); как благоприятствующее состояние следователя или его партнера; как элемент криминалистической тактики и стратегии; как тактический подход, сфокусированный на личность [9, с. 232].

Несмотря на такое разнообразие подходов, во многом они являются не противоречащими друг другу, т. к. раскрывают различные аспекты контакта¹. Спорными представляются лишь точки зрения авторов, считающих психологический контакт тактическим приемом, либо стадией допроса. Во-первых, «тактический прием имеет локальный характер и ограничен во времени. Психологический же контакт должен сопутствовать всему ходу допроса» [4, с. 43]. По этой же причине его нельзя рассматривать как стадию следственного действия. Во-вторых, являясь многофакторным явлением, контакт позволяет реализовывать различные стороны общения на допросе, а достигается это именно за счет применения тех или иных тактических приемов и комбинаций.

Таким образом, установление и поддержание контакта с допрашиваемым, являясь элементом криминалистической тактики, выступает в качестве сквозной тактической задачи на всем протяжении следственного действия. Решение этой задачи позволяет на основе индивидуального подхода сформировать благоприятную обстановку для общения и создать необходимые условия для реализации управляющего воздействия.

Традиционно, по своему характеру, контакт именуется психологическим. В качестве свойств, определяющих его содержание, отмечается общность интересов и целей деятельности; взаимопонимание; переживание глу-

¹ Ученые отмечают, что «любые определения, даже взаимоисключающие друг друга, тем не менее, в конечном счете дополняют профессиональное понимание познаваемого явления. Одно сознание, каким бы оно ни было гениальным, не может претендовать на владение конечной истиной. Истина лежит в самом явлении» [10, с. 8].

бокого взаимного доверия; сопереживание общающихся, сопровождающееся легкостью отношений, позволяющее успешно общаться, решать совместные задачи [11, с. 78]. Все это направлено на «создание такой атмосферы допроса, при которой допрашиваемый проникается уважением к следователю, ... осознает необходимость способствовать своими показаниями установлению истины» [12, с. 100].

Если рассматривать контакт с указанных позиций применительно к допросу подозреваемых (обвиняемых), то его установление возможно только в ситуации полного отсутствия тактического риска [13, с. 34] и какого-либо противодействия с их стороны. Однако допрос подозреваемых (обвиняемых) проходит в подавляющем большинстве случаев в ситуации противодействия с той или иной степенью выраженности и достижение «сопереживания», «глубокого взаимного доверия» или «общности интересов», как минимум представляется спорным и идеализированным. Р. Л. Ахмедшин отмечает, что «обвиняемый, в случае если он действительно совершил преступление, крайне незаинтересован в объективном рассмотрении своего дела, желая либо полностью, либо частично смягчить последствия эффективной работы следователя» [1, с. 192]. Особенно наглядно это проявляется при допросе подозреваемых (обвиняемых) имеющих установку на дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний, а также лиц, ранее судимых. По этому поводу Р. С. Белкин справедливо заметил, что «представление о том, что существует психологический контакт, особенно если подследственный — рецидивист или участник сплоченной преступной группировки, нередко чисто иллюзорно: о каком контакте может идти речь при наличии диаметрально противоположных интересов „контактирующих“?» Ведь «если до выяснения этой противоположности еще можно было говорить о некоем контакте, то после такого выяснения, никакого контакта в его *психологическом* (курсив наш — А. Р.) смысле не существует» [14, с. 114—115].

Аналогичная точка зрения высказана В. П. Бахиным, М. Ч. Когамовым, Н. С. Карповым, которые отмечают, что «не взаимопонимание и доверие (они желательны, но не всегда достижимы) составляют основу психологического контакта, а „настрой“ на общение ради или для обмена информацией» [6, с. 42]. Основу контакта, предпосылки для его установления составляет необходимость получения полных и достоверных сведений о преступлении, т. е. информация, выступающая формой связи управляющего объекта с управляемым, посредством речевых и неречевых коммуникаций. Исходя из этого, представляется правильной точка зрения ученых, рассматривающих контакт между следователем и допрашиваемым по своему характеру не как психологический, а как коммуникативный [15, с. 45]. Это объясняется следующими причинами: во-первых, термин «коммуникативный контакт» наиболее точно отражает цель его установления на допросе — обмен информацией, т. к. он «основан на осознании необходимости информационного общения

и направлен на создание условий для получения определенной информации» [16, с. 19]. Во-вторых, коммуникативный контакт адекватно отражает характер взаимодействия между следователем и подозреваемым (обвиняемым). Такое взаимодействие нередко характеризуется противоположностью целей, что, с одной точки зрения, раскрывает специфику интерактивной стороны допроса подозреваемых (обвиняемых), а с другой, позволяет рассматривать контакт не как взаимодействие, «основанное на общей эмоциональной настроенности», «на основе единства целей и интересов», «взаимных эмоциональных положительных переживаний» (что, по меткому замечанию Р. С. Белкина выглядит как «трогательный союз единомышленников» [17, с. 154]), а как деловое межличностное взаимодействие, когда общающиеся стороны заинтересованы и проявляют готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга. При этом главная задача воздействия «сблизить позицию лица, с которым взаимодействует следователь ... к позиции, занимаемой следователем» [18, с. 263].

Таким образом, при подготовке к допросу и в самом начале допроса «программа минимум» для следователя — это установление именно коммуникативного контакта. Важно убедить допрашиваемого в необходимости дачи показаний. И уже после того, как установлен коммуникативный контакт, необходимо постараться перейти к «программе максимум» — установлению контакта психологического, т. е. контакта, основанного на взаимной эмпатии, доверии и т. д.

Подводя итог, отметим, что мы полностью разделяем позицию Ю. В. Трофимовой о необходимости понимания разницы между психологической и юридической составляющей психологического контакта [19, с. 137—138], а также позицию А. А. Шаевича, что при изучении контакта необходимо четко осознавать разницу между контактом как характеристикой определенных отношений между следователем и допрашиваемым в конкретной ситуации допроса и контактом как деятельности по созданию таких отношений, протекающих в форме общения [20, с. 48]. В настоящей статье нами рассмотрен только коммуникативный контакт как характеристика отношений между следователем и допрашиваемым в условиях противодействия. Вопросы, связанные с организацией отношений, когда коммуникативный контакт может перерасти в психологический контакт, не менее актуальны и требуют дальнейшего серьезного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ахмедшин Р. Л.* О понятии и видах психологического контакта и тактике его достижения в ходе следственных действий / Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 445. — С. 192—196.
2. *Пахомов А. В.* Криминалистика (конспект лекций) / А. В. Пахомов. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. — 136 с.

3. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. — СПб: Лань, 2001. — 928 с.
4. *Порубов Н. И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. — 3-е изд., перераб. / Н. И. Порубов. — Мн.: Вышэйшая школа, 1978. — 176 с.
5. *Баев О. Я.* Основы криминалистики: курс лекций / О. Я. Баев. — М.: Экзамен, 2001. — 288 с.
6. *Бахин В. П., Когамов М. Ч., Карпов Н. С.* Допрос на предварительном следствии (уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы) / В. П. Бахин, М. Ч. Когамов, Н. С. Карпов. — Алматы, 1999. — 208 с.
7. *Питерцев С. К., Степанов А. А.* Тактика допроса / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. — СПб: Питер, 2001. — 160 с.
8. Криминалистика: учебник / под ред. В. А. Образцова. — М.: Юрист, 1999. — 735 с.
9. *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса / Г. А. Зорин. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 320 с.
10. *Киришбаум Э. И., Еремеева А. И.* Психологическая защита. — 3-е изд. / Э. И. Киришбаум, А. И. Еремеева. — СПб: Питер, 2005. — 176 с.
11. *Носков В. А.* Психотехника общения: учебное пособие / В. А. Носков. — М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2001. — 120 с.
12. *Лифшиц Е. М., Белкин Р. С.* Тактика следственных действий / Е. М. Лифшиц, Р. С. Белкин. — М.: Новый Юрист, 1997. — 176 с.
13. *Латиа В. Л., Бондарь А. Я.* Риск в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений / В. Л. Лапша, А. Я. Бондарь // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 4 (12). — С. 33—39.
14. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р. С. Белкин. — М.: НОРМА, 2001. — 240 с.
15. *Еремеев С. Г.* Отдельные тактико-психологические аспекты производства допроса и очной ставки / С. Г. Еремеев // Научный компонент. — 2019. — № 3. — С. 44—50.
16. *Еникеев М. И., Черных Э. А.* Психология допроса / М. И. Еникеев, Э. А. Черных. — М.: Институт международного права и экономики, 1994. — 147 с.
17. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 тт. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. — М.: Юрист, 1997. — 480 с.
18. *Конин В. В., Конин А. В.* Значение криминалистики для успешной деятельности следователя / В. В. Конин, А. В. Конин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 259—270.
19. *Трофимова Ю. В.* Психологический контакт: психологический и юридический подходы / Ю. В. Трофимова // Вестник Барнаульского института МВД России. — 2018. — № 2 (35). — С. 137—139.
20. *Шаевич А. А.* О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий / А. А. Шаевич // Научный портал МВД России. — 2018. — № 2. — С. 45—51.